

11. Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф.Р– 437. Оп. 14. Д. 491.
12. Государственный архив Алтайского края. Ф.Р– 834. Оп. 1. Д. 128.
13. Государственный архив Новосибирской области (ГАОНО). Ф.Р– 1020. Оп. 2. Д. 263.
14. ГАРФ. Ф.А– 327. Оп. 2. Д. 401.
15. Там же. Д. 263.
16. Там же. Д. 368.
17. Там же. Д. 375.
18. Центр документации новейшей истории Томской области. Ф.П– 80. Оп. 2. Д. 102.
19. Алтайская правда. 1943. 7 нояб.
20. Голиков К.Н. Трудовой подвиг омичей в годы Великой Отечественной войны // В грозные годы: Тр. науч. конф. «Сибиряки – фронту». Омск, 1973.
21. ГАОНО. Ф.П– 4. Оп. 9. Д. 309.
22. Петрова Т.Н. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по усилению творческого содружества науки с производством в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 годы). Томск, 1968.
23. ГАРФ. Ф.А– 327. Оп. 2. Д. 363.
24. Российский центр хранения и исследования документов новейшей истории. Ф.П– 17. Оп. 44. Д. 1040.
25. ГАОО. Ф.Р– 437. Оп. 9. Д. 1113.
26. Марченко Ю.Г., Шейхот М.Г. Из истории музыкальной культуры Сибири военных лет // Сибирь в Великой Отечественной войне. Новосибирск, 1977.
27. Новосибирск. 100 лет. Новосибирск, 1993.
28. Вазовод И.С. Спасение новосибирцами эвакуированных культурных ценностей в годы войны (1941–1945 годы) // 50 лет Победы советского народа над фашизмом в Великой Отечественной войне. Новосибирск, 1995.
29. Донецкий ордена Трудового Красного Знамени индустриальный институт. Сталино, 1957.
30. ГАРФ. Ф.А– 327. Оп. 2. Д. 400.
31. Там же. Д. 427.
32. Там же. Д. 716.
33. Там же. Д. 724.
34. Там же. Д. 748.

Л.И. Сосковец

ИСТИННО-ПРАВОСЛАВНЫЕ ХРИСТИАНЕ В СИБИРИ

Томский государственный университет

Бесспорным является факт религиозного многообразия Сибири, причем эта особенность была присуща ей всегда. Советский период не был исключением, более того, в этот время в регионе появились (в результате ссылок) представители таких направлений православия, которых здесь ранее не было. Речь идет об истинно-православных христианах (ИПХ) и последователей истинно-православной церкви (ИПЦ).

В отечественной историографии проблема жизнедеятельности организаций этих конфессий получила определенное освещение [1, 2], правда, на наш взгляд, пока недостаточное. Пребывание истинно-православных христиан в Сибири вообще еще практически не исследовалось, поэтому данная статья может рассматриваться в качестве одной из первых попыток в этом отношении.

Возникновение второго направления истинно-православного христианства (первое появилось еще в результате церковного раскола в XVII в. и с того времени стало частью русского старообрядчества) в определенной степени тоже связано с расколом, но уже в новейшей истории Русской пра-

вославной церкви (РПЦ). Раскол этот окончательно оформился после принятия известной декларации митрополита Сергия, в которой объявлялось о признании со стороны РПЦ советского государства и переходе на лояльные позиции к нему. Многие из тех, кто с таким решением был категорически не согласен, а среди них оказались и крупные иерархи – митрополит Иосиф (Петровых), епископы Григорий (Лебедев), Дмитрий (Любимов) и др., – объявили себя «тихоновцами», т.е. носителями и охранителями истинного православия, отказываясь иметь литургическое или административное общение с Московской патриархией, «продавшей» себя, по их мнению, большевистскому безбожному режиму. Преследуемые государством, они ушли в так называемые катакомбы. Основными местами появления и распространения ИПХ стали центрально-черноземные районы страны – Тамбовская, Липецкая, Воронежская и Рязанская области, а затем и другие регионы. Движение истинно-православных христиан изначально было неоднородным, внутри него существовали разные течения, но их объединяло несколько основных идей, по-

мимо неприятия сергианства. В 1920–1930 гг. среди тех, кто порвал с РПЦ и относил себя к охранителям чистого православия, было много направлений – федоровцы, бுவцы, имяславцы, чердашники и др., которые за ярко выраженные монархические ориентации подвергались жесткому преследованию со стороны советской власти.

Истинно-православных христиан и истинно-православную церковь по формальным основаниям можно отнести к организациям сектантского типа, поскольку налицо был полный организационный отход от РПЦ, хотя с точки зрения догматической и частично обрядовой эти религиозные направления с православием не порывали. Участники научной экспедиции, занимавшиеся в конце 1950-х гг. изучением ИПХ-ИПЦ в Тамбовской области, использовали для этих направлений достаточно корректные обозначения, заслуживающие и сегодня внимания. В сборнике, вышедшем по итогам экспедиции, З.Н. Никольская назвала их как «религиозные новообразования» [3], а Л.Н. Митрохин отнес к «внецерковным православным объединениям» [4].

С русским сектантством, возникшим на почве православия (хлыстовствующие, духоборы, молокане), их объединяло враждебное отношение к церкви. Но, опять же, классические русские секты вообще отрицали ее как институт, а ИПХ отрицало лишь современную ему церковь в лице Московской патриархии. Примечательно, что решение сталинского руководства об открытии православных храмов в 1940-е гг. последователями ИПХ рассматривалось как еще одно доказательство порочности и предательства РПЦ, которая, по их мнению, всячески содействует строительству коммунизма, абсолютно безблагодатного общества [3, с. 161].

Отрицание каноничности действовавшей церкви включало у ИПХ непризнание современного им духовенства и отказ от совершавшихся ими таинств. Вообще, такие церковные таинства, как священство, миропомазание, елеосвящение, крещение младенцев отсутствовало в культовой практике ИПХ, а таинства причастия и покаяния приобрели новые формы. Причастие происходило во время домашнего моления. Верующие призывали Иисуса вновь посетить мир. Ели пресный хлеб и запивали его водой. Покаяние носило публичный характер и происходило раза два в год. Руководитель общины после коллективной молитвы предлагал присутствующим покаяться. Те перечисляли свои грехи, которые общинниками либо прощались, либо служили основанием для епитимий. Молельни устраивались в домах верующих. Для этого специально оборудовалась одна из комнат дома. Туда сносились иконы, здесь возжигались лампы и свечи.

Интересна трактовка истинно православными и идеи нисхождения Духа Святого. Они полагали, что он может сходить на отдельных верующих, которые становились «божьими прозорливцами». Не случайно в ИПХ был развит институт «божьих людей» – угодников, старцев, странников, братцев [3].

Основной идеологемой истинно-православных христиан, самоназвание которых уже говорило о претензиях спасти чистоту православия от сергианской ереси, всегда был антикоммунизм. С самого начала на всех уровнях – от епископов до малограмотных старух – утвердился взгляд на советскую власть как власть антихриста. Неучастие ни в общественных, ни в государственных структурах и объединениях проистекало из их нежелания поклоняться антихристу и соучаствовать в его делах. По этой же причине ИПХ никогда не стремились получить регистрацию для своих организаций. В ряду этих отказов стояли и отказ от участия в выборах, отрицание советского паспорта (с печатью антихриста). В середине 1960-х гг. среди ИПХ распространялись упорные слухи, что государство готовится сменить паспорта, которые будут объединять трудовую книжку, военный и профсоюзный билеты, и что такие документы будут насильно вручаться верующим [5, с. 127]. Правда, известны случаи, когда отдельные истинно-православные христиане в целях служения своему делу шли на великий грех и все-таки оформляли документ о своем гражданстве. Так, отсидевшая много лет в тюрьме и находившаяся на поселении в г. Ханты-Мансийске Агафья Пригарина после снятия со спецучета по общему решению церкви получила паспорт. Он нужен был для того, чтобы она могла осуществлять поездки в проповеднических и организационных целях. По сути, «ипеховцы» объявляли себя негражданами СССР.

Понятны причины и антиколхозных настроений членов данных религиозных групп, а также отказ служить в армии. При этом истинно-православные христиане не были пацифистами, речь шла именно об армии советского государства [6, с. 104–105]. Мужская часть сторонников ИПХ, помимо других обвинений, получала наказание и за отказ от службы в армии. Например, жители Ханты-Мансийска А. Стукало, А. Федин, Н. Ерёмин категорически отказались от призыва в армию, сославшись на свои религиозные убеждения. Все они были членами местной общины ИПХ. Ерёмин свое решение пояснил так: «По вере истинно-православных христиан, мы как верующие не можем принимать участие на фронтах, воевать за советскую власть, поскольку она антихристова, и участие в боях за эту власть будет нарушением псалма Давида, т.е. участием в “совете нечестивых”, а это большой грех» [7, с. 41].

Со временем ИПХ полностью лишились священства, а роль священников могли выполнять отдельные наиболее авторитетные верующие, в том числе и женщины. Вообще, именно в ИПХ среди активных членов и ее руководителей было много женщин. Истинно-православные создавали свои подпольные общины, среди которых были и монашеские. Ситуация изоляции и самоизоляции от мира превращала многих «ипеховцев» в радикально настроенных верующих, не желавших иметь ничего общего с греховным миром. Среди них были и такие экстремальные секты, как молчальники, седьминцы, непишущие и т.д. В Томской области, например, тоже встречались непишущие. Проживавшие в Чаинском районе ИПХ именно поэтому не пускали своих детей в школу [8, с. 63].

Советская власть жестко преследовала ИПХ, совершенно справедливо рассматривая их как враждебно настроенных людей. Многие активисты ИПХ неоднократно подвергались арестам, ссылкам и другим наказаниям. При этом обвинения в антисоветизме были не единственным основанием для преследования. Отказ от общения с советским греховным миром означал отказ от участия во всех его деяниях и установлениях. Верующие не получали паспорта, не голосовали, отказывались служить в армии, редко устраивались на официальную работу. Одним словом, поводов для репрессий всегда было предостаточно.

В монографии М.В. Шкаровского приводится секретное письмо Л. Берия к И. Сталину от 7 июля 1944 г. В нем он отмечал, что на территории Воронежской, Орловской, Рязанской областей было выявлено несколько организаций «истинно-православных христиан», но поскольку арест активных участников не оказал должного воздействия на других членов, он считал целесообразным провести массовое выселение этих людей в Омскую, Новосибирскую области и Алтайский край. И уже 15 июля 1944 г. 1 673 человека одновременно из 87 населенных пунктов насильственно переселили на восток. М. Шкаровский подчеркивает, что это был, вероятно, единственный пример массовой депортации русского населения в тот период [2, с. 250].

В сороковые годы XX в. было осуществлено несколько достаточно массовых высылки сторонников ИПХ-ИПЦ в Сибирь, которая отныне стала местом их распространения, особенно Алтайский край, Тюменская и Томская области, куда осужденные «ипеховцы» первоначально и ссылались. В послевоенный период эти две области не без основания рассматривались как центры распространения ИПХ, наряду с традиционными районами их активности – Тамбовской, Липецкой, Рязанской, Воронежской областями.

В Сибири они не только не отказались от своих идей, но и активно занимались миссионерством. Потому отъезд некоторых ИПХ после отбытия сроков домой в европейскую часть страны не означал исчезновения с религиозной карты Сибири этого вероисповедания, тем более что высылка сюда последователей ИПХ-ИПЦ осуществлялась периодически: одни ИПХ снимались со спецучета, а другие пополняли спецконтингент. Так, в 1961 г. в село Парбиг Томской области прибыла группа ИПХ, высланная сюда по указу правительства от 4 мая 1961 г. как тунеядствующие элементы. Она состояла из 12 человек, причем уже на новом месте жительства, опять же по данному указу, 11 верующих отсидели по 4 месяца в тюремном заключении. Но к работе так никто и не приступил, заявляя: «Мы не можем работать на то общество или в соитии с тем обществом, которое идет против Бога» [9, с. 97]. Сам факт осуждений и высылки верующие рассматривали как незаконные деяния государства.

Вообще, практика нового привлечения к ответственности сосланных верующих уже по месту ссылки была достаточно распространена именно в отношении ИПХ-ИПЦ. Например, проживавшие в Каргасокском районе ИПХ Прасковья Шевченко, Галина Яненко, Любовь Кишка, высланные сюда из Ростовской области и Краснодарского края, будучи уже в Томской области, дважды отсидели по 4 месяца, наказанные как тунеядцы. Нередки были случаи, когда верующих ссылали семьями, если только у них в «родных» местах еще раньше не отбирали детей. Причем были случаи, когда высланные в Сибирь семьи разбивались искусственно. Так, осужденные на высылку верующие из Краснодарского края Андрюшенко мать и сын оказались на жительстве в Каргасокском районе, а глава семьи – в Пышкино-Троицком. Ф. Чесноков проживал в Томске, а его жена – активный член движения ИПХ М. Ивлева – в пос. Тогур Колпашевского района. Распространенным было и такое наказание, когда сосланный в тот или иной район Сибири верующий за то, что не отрекался от своих установок и продолжал религиозную деятельность, переселялся внутри области в более отдаленные и необжитые местности [10, с. 127; 11, с. 79–80].

Как следует из документов архивов, далеко не все верующие, чья ссылка заканчивалась, спешили вернуться в свои родные места, видимо, полагая, что их там мало что ждет: семьи нередко были разрушены, жилье конфисковано. Например, когда в 1966 г. были сняты со спецучета 43 ИПХ, проживавших в Бакчарском районе Томской области, покинули район только несколько человек [12, с. 52].

Советскую власть они по-прежнему рассматривали как «бесовское наваждение», о комсомоль-

цах и коммунистах говорили с откровенной неприязнью, предрекали скорую гибель антихристовой власти. Отдельные группы катакомбников в 1940–70-е гг. имелись на территории Каргасокского, Чаинского, Парабельского, Александровского районов Томской области. В г. Томске они собирались на молитвенные собрания в домах единоверующих, специально оборудованных для таких целей по адресам: Бакунина, 15; Ишимская, 9; Большая Подгорная, 162. Молитвенные собрания тщательно подготавливались, проводились тайно, как правило, глубокой ночью. Верующие даже были вынуждены выставлять дозоры. При появлении в районе молитвенного дома посторонних давался сигнал, молитвенное собрание превращалось в импровизированное чаепитие. Общины ИПХ в Тюменской области проводили молитвенные собрания с четырех до восьми часов утра. Но все равно адреса приходилось нередко менять в связи с обнаружением подпольных молитвенных собраний органами власти и наказанием руководителей [10, с. 52].

Одним из таких предводителей ИПХ был Федор Чесноков, которому, как говорится, на роду было написано занимать активное положение в церкви. Дядя Чеснокова, В. Поляков, являлся одним из организаторов ИПЦ в СССР, не единожды судимый за это. Известно, что руководитель томских «ипеховцев» неоднократно встречался с дядей и получал от него рекомендации для организации деятельности своей группы. Помощником Ф. Чеснокова был А. Пузанов, который наладил подпольное производство свечей. Кстати, и Чесноков и Поляков были сравнительно молодыми мужчинами. Первый – 1918 года рождения, а второй – 1924-го. В Томске «ипеховцы» создали бригаду печников, трудившуюся по частному найму [10, с. 52].

К числу других наиболее известных в области деятелей ИПЦ можно отнести Д.Ф. Козыра, возглавлявшего группу численностью до ста человек в Каргасокском районе. Еще одним руководителем этой группы был И. Лай, молдаванин, высланный в Сибирь за антисоветскую пропаганду. Организацию ИПЦ в г. Новокузнецке возглавлял И. Барабанов. В его доме в п. Абагур (окраина города) была устроена настоящая молельня: здесь было свыше 70 икон, 20 лампад и много другой церковной утвари. Именно в Новокузнецке в конце 1961 г. планировалось провести своеобразный всесоюзный съезд ИПХ-ИПЦ с целью избрания лидера движения. Предполагалось, что им станет Иван Барабанов. В город прибыли представители ИПХ-ИПЦ из Хакасии, Кировской области, Москвы, Одессы и других мест, всего 18 человек. Понятно, что о мероприятии знали власти, которые съезд и сорвали. Отдельные делегаты были арестованы, другие выдворены. И. Барабанова отдали

под суд с тем, чтобы он принял решение о выселении Барабанова и нескольких монашек в более отдаленные места и конфискации дома и имущества лидера ИПЦ [13].

В Чаинском районе на территории Гореловского, Усть-Бакчарского, Бундюрского, Варгатурского и Ермиловского сельсоветов проживали сосланные из Рязанской и Тамбовской области члены церкви ИПХ, примерно 140 человек. Никто из них в местные колхозы не вступил, хотя, как подчеркивал уполномоченный, проживали на колхозной земле. Имели свои дома и огороды. Занимались кустарным промыслом: вязали и продавали шарфы, салфетки, скатерти, ткали половики и стегали одеяла (это все делали тунеядцы! – Л.С.). Нитки и шерсть покупали у колхозников и получали в посылках. Мужчины-верующие создавали бригады плотников, столяров, печников, брали подряды на строительство домов, животноводческих построек. Изготавливали иконы, как для личных нужд, так и на продажу. Получали посылки с литографическими изображениями Иисуса, Святых угодников, делали к ним рамки, украшали их конфетной бумагой, которую пачками им кто-то присылал с Томской конфетной фабрики. Занимались также сбором и продажей дикоросов.

Таким образом, этих людей никак нельзя было назвать лентяями и тунеядцами, да и услуги, которые они оказывали местному населению, всегда были востребованы. В определенной мере было востребовано и «слово божье», проповедуемое в общинах ИПХ. Поскольку православных церквей в регионе, и особенно в Томской области, было мало, лица православного исповедания нередко тянулись к ИПХ, посещали их молитвенные собрания, оказывали кое-какую материальную помощь [11].

Состав сосланных и проживавших в Чаинском районе истинно-православных христиан был достаточно показателен. Из 140 членов церкви ИПХ старше 50 лет было 46 верующих, детей школьного возраста – 6, в возрасте от 16 до 40 лет – 74 человека. Из ста «ипеховцев», учтенных в 1961 г. в Тюменской области, только 36 человек были старше 60 лет. В данном случае, как говорится, ни о каком преобладании пожилых людей среди данного направления верующих речь не шла. Костяк общины составляли люди, сделавшие свой религиозный выбор вполне осознанно и согласные за него терпеть преследования. Понятно, что подавляющую часть «ипеховцев» составляли малограмотные. Мужчин среди сосланных в Томскую область было 35, а остальные – женщины. В Тюменской общине тоже резко преобладали женщины. Их было 83, тогда как мужчин – всего 17. Еще раз убеждаешься, что в послевоенный период государство воевало в основном с верующими-женщинами. Вот и в указанной

«томской» группе в числе явных лидеров были они: А. Батманова, М. Жданова, Л. Ерёмкина, П. Розоманова. Всех их уполномоченный Совета по делам религиозных культов характеризовал как мракобесов, фанатичек, люто ненавидевших советскую власть и не скрывавших это. Все они по большей части до ссылки в Сибирь уже отсидели в тюрьмах по десять лет. А ведь были сравнительно молодые. Ждановой было в 1960 г. 43 года, а Ерёмкиной 38 лет, и позади у них были длительные тюремные сроки заключения [10, с. 119–120].

Понятно, что и на новом месте верующих не оставляли в покое. Как не работавших в колхозе, их согнали с колхозной земли, т.е. отобрали приусадебные участки. Как кустарей, районные фининспекторы обложили их непосильными налогами. Активно вели среди них антирелигиозную работу, результатом чего стало приобщение некоторых из молодых членов семей ИПХ к работе и участию в общественной жизни. Но в целом именно приверженцы ИПХ менее всего поддавались атеистической пропаганде. А неисчислимые наказания со стороны государства скорее служили укреплению веры, нежели наоборот. Известно, например, что тот же злополучный указ, по которому верующих и их лидеров стали наказывать как тунеядствующих, способствовал укреплению и даже активизации ИПХ-ИПЦ. Вот какими соображениями делился на этот счет член церкви ИПХ Иван Слугин, проживавший в Бакчарском районе Томской области. «До 1961 г. (до принятия указа. – Л.С.) община истинно-православных христиан находилась в тяжелом положении. Верующая молодежь говорила, что мы должны жить и работать как все советские люди. Многие порывали с сектой, религией. Но вот начались преследования верующих, их начали ссылать как тунеядцев, и община окрепла. Кризис кончился. Ссылка привела к укреплению веры, к увеличению числа верующих... Репрессии полезны для спасения душ...» [5, с. 126].

Вторым центром распространения и активной работы ИПХ (несмотря на строгий контроль над ними со стороны органов безопасности) была Тюменская область. Еще в 1944 г. сюда была выслана первая группа верующих, а затем, как и в Томской области, состав верующих пополнялся и обновлялся как за счет вновь выславшихся из европейской части СССР, так и за счет привлечен-

ных в веру местных жителей. Сосланные расселились в Микояновском, Упоровском и Самаровском районах. Самая крупная организация оказалась в Ханты-Мансийске, ее деятельность значительно активизировалась после появления здесь отбывших тюремные сроки известных проповедниц ИПХ Агафьи Пригариной и Анастасии Симаковой, а также Михаила Клепикова. Выявлено, что тюменские ИПХ имели постоянные контакты не только друг с другом, но и верующими других регионов, в том числе и Ф. Чесноковым, который после отсидки в воркутинских лагерях поселился в Томске [7, с. 16].

Активной до своего разгрома в 1959 г. была группа ИПХ в г. Рубцовске Алтайского края, руководители которой предстали перед судом, а также в Змеиногорском районе Алтая. Как отмечал уполномоченный Совета по делам религиозных культов по Алтаю, истинно-православные вполне трудоспособного возраста нигде не трудятся, существуют за счет приусадебных участков и отдельных работ по найму, живут бедно. Дети ИПХ в школу не ходили, поэтому одной из распространенных форм наказания верующих были решения о лишении их родительских прав. Ребятишек забирали у родителей и отдавали их в интернаты (заметим, что забирали не у пьяниц и разложившихся элементов, а у тех, кто верил в Бога и не верил в государство) [14, с. 181].

Таким образом, представителей истинно-православных христиан и истинно-православной церкви отличало несколько существенных черт: преданность и стойкость в вере, которая не ослаблялась под натиском государства, но укреплялась; стремление возвратиться к традициям первоначального христианства и сохранить в чистоте и незамутненности эту религию; неприятие официальной Православной церкви – Московского патриархата; ярко выраженный эсхатологизм – вера в близкий конец света, «последние времена»; понимание современного им мира как мира полностью греховного, в котором торжествует антихрист, на всем лежит его печать, а главным и очевидным проявлением дьявольского зла на земле – деятельность государственной власти. Отсюда – непризнание ее, протест в форме ухода от мира и от подчинения антихристовой государственной воле, антиэтатизм. Все это в советских условиях было прямым вызовом системе.

Литература

1. Демьянов А.И. Истинно-православное христианство. Воронеж, 1977.
2. Шкаровский М.В. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999.
3. Никольская З.А. К характеристике течения так называемых истинно-православных христиан // Современное сектантство и его преодоление. М., 1961.
4. Митрохин Л.Н. Реакционная деятельность «истинно-православной церкви» на Тамбовщине // Там же.
5. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Ф. 4204. Оп. 1. Д. 690.
6. Епископ Готский Амвросий. Государство и катакомбы // Религия и права человека. На пути к свободе совести. М., 1996.

7. Центр документации новейшей истории Тюменской области. Ф. 3894. Оп. 2. Д. 31.
8. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2810.
9. ГАТО. Ф. 1786. Оп. 1. Д. 232.
10. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2943.
11. Там же. Д. 3273.
12. Там же. Д. 3686.
13. Дневник Г. Ярового, уполномоченного Совета по делам религиозных культов Кемеровской области // Страницы истории г. Кемерова. Кн.3. Кемерово, 1998.
14. Центр хранения архивного фонда Алтайского края. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 17.

Л.С. Вагинова

ПОСТСОВЕТСКИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИСКУССТВА В КОЛЬСКОМ ЗАПОЛЯРЬЕ

Мурманский государственный педагогический университет

Постсоветский этап развития художественной культуры Кольского Заполярья соответствовал начавшимся в России изменениям в политической, экономической и духовной жизни. Они сводились в основном к противостоянию промышленных и региональных управленцев в вопросах собственности и экономического влияния в регионе в условиях отсутствия государственных и региональных программ. Разрушение СССР привело к спаду темпов экономического роста, нарушениям государственного финансирования региона, снижению уровня жизни людей. Этот процесс сопровождался изменениями в законодательстве, в частности ликвидацией некоторых привилегий для северян, приехавших из других районов страны. Кроме того, остановка в работе промышленных и морских предприятий привела к сокращению трудовых ресурсов и росту безработицы, в том числе в армии и на Северном флоте. Это явилось одной из причин оттока населения из региона, особенно из мест, где промышленные предприятия являлись по своему характеру градообразующими. Отъезду части населения из Заполярья способствовала также начавшаяся приватизация жилья в России и СНГ. На конец 2003 г. численность постоянного населения области, по оценке статистики, составила 879,8 тыс. человек, или 98,8 % к уровню 2002 г. [1, с. 5]. Основной причиной сокращения численности остается миграционная убыль, на долю которой приходится почти 70 % всех потерь. На Кольском Севере опустели военные городки, рыболовецкие совхозы, звероводческие поселки, сельскохозяйственные и промышленные населенные пункты. В условиях кризиса инфраструктуры и системы управления произошли изменения во взглядах людей на мир, на систему ценностей, что повлияло на развитие новых социокультурных процессов. Однако для многих жителей Мурманский край являлся роди-

ной, и ответственность за их благополучие легла на плечи региональных руководителей.

Администрация региона в новых экономических условиях направила усилия на восстановление и дальнейшее развитие промышленности, рыболовства, инфраструктуры, на разработку энергетических и природных ресурсов с учетом реально существующего спроса на продукцию на внешнем и внутреннем рынке. С этой целью в регионе были созданы 163 совместных предприятия, которые принесли области доход, в основном через взаимодействие с партнерами из Норвегии, Финляндии, Швеции, Германии, Дании. Особое значение имело создание международного объединения «Баренц-регион», в состав которого вошли эти страны, а также Мурманская, Архангельская области и республика Коми. Новое объединение «Баренц-регион» приняло ряд социокультурных программ для реализации на выделенных территориях.

Серьезные социально-экономические трудности, с которыми столкнулись промышленные предприятия, заставили новых владельцев отказаться от содержания ведомственных объектов культуры, многие из которых были выставлены на продажу, и от проведения художественно-просветительных мероприятий. Однако региональная администрация проявила высокий уровень компетентности в понимании значения социальных и культурных (материальных, духовных и художественных) потенциалов, необходимых для обеспечения развития региона, и начала активную деятельность с учетом значения социокультурного фактора. Многие региональные мероприятия, общественные учреждения культуры были переведены на муниципальный баланс, и их работа стала финансироваться из регионального бюджета. Были сохранены детские культурно-образовательные учреждения, дома творчества с хорошо нала-